

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

СТРАТЕГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНТРАКУЛЬТУРЫ В РУССКОМ РАДИКАЛЬНО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

М. Соколов

Санкт-Петербург

«Контракультура» определяется как форма организации культурных различий, построенная на их открытом противопоставлении. Контракультура – это стратегия политической борьбы, смысл которой состоит в том, чтобы поставить под сомнение символический порядок, поддерживающий функционирование социальной системы. Ее использование каким-либо движением возможно тогда, когда выполняются два условия. Во-первых, с точки зрения участников этого движения, не должно оставаться возможности достичь желательных социальных изменений, пользуясь институциональными средствами, существующими внутри данной системы. Во-вторых, то, что другие люди продолжают поддерживать неэффективную и порочную социальную организацию, даже разделяя те же идеалы, что и активисты, должно определяться не как следствие их недостаточного интеллекта или скрытых интересов (то есть индивидуальных пороков), а как результат их принадлежности к другой (суб)культуре.

Контракультура как форма политического действия появляется тогда, когда сами понятия «политики» и «культуры», а также представление о том, что за разницей в политическом поведении стоят именно культурные различия, а не, скажем, генетические, получают широкое распространение. Первые примеры применения этой стратегии датируются концом XVIII – началом XIX веков. Их носителем были европейские националистические движения, переживавшие свой расцвет в эпоху романтизма (Anderson, 1983; Gellner, 1983). Именно благодаря широкому распространению основного тезиса националистической идеологии, гласящего,

что границы политических систем должны совпадать с границами культур, а их свойства определяться свойствами этих культур, возникает символическая стратегия, подрывающая легитимность политической системы с помощью указания на неаутентичность ее культурных оснований.

Первые контракультуры были этническими и обосновывали, главным образом, права народов, входивших в состав многонациональных империй, на политическую автономию. Эра подлинного расцвета контракультур наступила уже после второй мировой войны, когда произошло окончательное падение колониальной системы и возникли сразу десятки государств, названных странами Третьего мира, а в западных обществах развернулись Новые социальные движения. В немалой степени падение колониальных режимов и было результатом развития политических контракультур. Пример движения, возглавляемого Ганди, – самый известный, но далеко не единственный. В целом этничность в современных обществах сама по себе приобретает характер контракультуры. Этим объясняется то, что предложенное выше определение контракультуры воспроизводит определение Фредериком Бартом этничности как «социальной организации культурных различий» (Barth, 1969).

Опыт антиколониального национализма сыграл немалую роль в формировании Новых социальных движений, потрясших Запад в 60-х и остающихся с тех пор одними из главных действующих сил на политической сцене. На их примере можно заметить одну интересную черту, общую для всех контракультур. Первой и самой важной мишенью для их сторонников является политическая культура. Неприятие Новыми левыми культурных, экономических и экологических следствий модернизации в первую очередь касалось политических институтов – бюрократических организаций партий, парламентского представительства и других проявлений того, что бунтовавшие студенты воспринимали как элементы «технократической цивилизации» (Melucci, 1989; Touraine, 1984). Отказ от сотрудничества Новых левых со Старыми повсеместно опирался на неприятие первыми моделей политического действия, которые коммунистические и социалистические партии осуществляли прежде и в соответствии с которыми они рассчитывали создать свой утопический порядок в случае победы. Даже там, где, как в Германии, развитие экологического движения привело к созданию парламентской партии, его участники сделали все, чтобы в организационном плане как можно меньше походить на принадлежащий доминирующей политической культуре образец фракции (Scott, 1990).

Вероятно, причиной этой неудовлетворенности политической культурой является тенденция к превращению политики в специализированную практику, открытую только для профессионалов. В ходе модернизации политическая система приобретает относительную автономию от других социальных систем (хотя ключевым остается слово «относительная», а не «автономия») (Парсонс, 1998 (1971)). Степень этой автономии различна. Исторически наиболее частой ситуацией являлась полная подчиненность политической культуры культурным нормам какого-то другого по-

рядка (чаще всего религиозным) – вплоть до отсутствия в ранних политических культурах самой идеи политики (Almond & Verba, 1965; Geertz, 1973 (1964)). Для западных обществ развитие политической культуры в сторону секуляризации и автономии было одной из основных тенденций по крайней мере с XVII в. Однако это направление движения не было единственным, поскольку существовало и контрдвижение, представленное контркультурами, не признававшими разрыва этой связи.

Так, например, контркультуры 60-х противопоставляли профессионализированной политике формы действия и формы организации, принадлежащие молодежной культуре и изначально не политизированные. Так, социальные сети, связывающие членом одной тусовки, оказались при умелом использовании идеальными каналами рекрутирования. Круг общения, не имеющий никакого формального членства или лидерства, – более эффективным типом организационной структуры, чем бюрократии штабов Старых социальных движений. Рок-концерты – прекрасно совместимы с митингами, да и вообще политизация музыки превратила ее в средство агитации, далеко превосходящее по убедительности традиционную политическую риторику.

Все это: коммуникативную компетентность, опирающуюся на опыт общения в приятельских компаниях, неформальное лидерство, даже музыкальные пристрастия – контркультура превратила в аргумент против политической системы. Действительно, политика по мере развития автономии политической культуры теряла понятность и предсказуемость для всех, кроме специально обученных профессионалов. Все большее количество людей оказывались отчужденными от нее в силу ее эзотеричности. Контркультуры же обещают сделать политику понятной, предсказуемой и «человеческой», а большие массы людей – компетентными в ней и способными хорошо играть роль активного участника событий.

Средством, которое они обычно предлагают для этого, является не массовое просвещение, а трансформация самой политики, в результате которой большие социальные группы вдруг обнаружат себя уже просвещенными. Именно фактом этого обращения к разделяемому всеми представлениям и компетентностям объясняется то, что политические контркультуры обычно являются мощными факторами культурной интеграции, сокращающими разрыв между политикой и другими сферами общества, такими, как религия, искусство или наука.

Это позволяет говорить о «политической контркультуре» как о специфической стратегии символической борьбы, которая строится вокруг открытого противопоставления своей политической практики практикам, связанным с доминирующей политической культурой. Мы можем наблюдать в современной российской политике все разновидности политических контркультур, как правых, так и левых. В этой статье описываются результаты изучения русской радикально-националистической контркультуры и делается попытка реконструировать ту модель политики и общества, которую оно предлагает взамен существующим.

Исследование

Использование русскими националистами стратегии политической контркультуры исследуется на примере одного случая – Русского Национального Единства, в тот момент самой большой и активной организации в этом движении. Данные были собраны в течение зимы – осени 1999 г. Самым ценным источником было наблюдение в ходе встреч, проводившихся петербургской организацией РНЕ с целью распространения своих взглядов и привлечения новых участников. Поскольку желающие вступить в организацию действительно присутствовали на встречах, дискурс активистов не подвергся изменениям, связанным с несовпадением ролей агитатора и информанта, и представляет собой именно ту аргументацию, которая обычно убеждает присоединиться к ним новых сторонников.

Включенное наблюдение дополнялось анализом печатных документов, принадлежащих организации и распространяемых ею в качестве пропагандистских материалов, прежде всего, выпусков газеты «Русский порядок» и материалов, размещенных на сайте (www.rne.org), а также продаваемой во время встреч литературы. Наибольшее внимание при этом уделялось текстам, написанным Александром Баркашовым, в тот момент Главным Соратником РНЕ, и митрополитом Иоанном, до самой смерти в конце 1995 г. бывшим лидером фундаменталистского крыла Русской Православной Церкви, на которого сами члены петербургского РНЕ ссылались как на наиболее важный духовный авторитет.

Следует сразу оговорить то, что данные о мировоззрении членов РНЕ не могут быть свободно распространены на членов других русских националистических организаций, поскольку между ними существуют достаточно глубокие идеологические различия. Более того, такие различия, вероятно, существуют и между петербургской и другими региональными организациями РНЕ. Эти различия и то общее, что объединяет все разнородные течения внутри русского национализма, подробнее обсуждаются в другой статье автора (Соколов, 1999).

Результаты

Символическая стратегия РНЕ содержит целую серию демонстративных разрывов со сложившимися за годы, прошедшие после падения Советского Союза, нормами политической приемлемости. Первым и самым бросающимся в глаза знаком этого была эмблема Единства, представляющая собой вписанную в восьмилучевую звезду («Звезду Богородицы», как ее называют тексты движения) свастику. Этот символ, известный в националистическом движении как «Коловрат», сразу выделил отколовшуюся осенью 1990 г. от фронта «Память» небольшую группу именно потому, что был подчеркнута вызывающим.

В отечественном политическом лексиконе «фашизм» используется как синоним для обобщенного Зла и обвинение в нем обычно бросают заклятым врагам. Фактически попытка доказать, что действия противни-

ка описываются этой категорией является одним из основных приемов символической схватки, к которому прибегают все – от анархистов до православных фундаменталистов. Это отразилось, в частности, в появлении массы неологизмов, таких, как «коммунофашизм», «демофашизм» или «НАТОфашизм». Какой бы неустойчивой ни была семантика слова «фашизм», доминирующая политическая культура содержит полный консенсус по поводу того, что сам этот термин и все сопутствующие ему символы, в том числе свастика – позорное клеймо. Тем больше внимания привлекает появление организации, использующей это клеймо в качестве свое официальной эмблемы.

Безусловно, украшение своих знамен свастикой – изощренный ход, который имеет множество значений. Можно указать хотя бы на то, что повсеместно распространенные аналогии между современной Россией и Веймарской Германией имеют и прогностические коннотации – из предполагаемого сходства исторических ситуаций следуют и ожидания относительно одинаковости дальнейшего развития событий. Иногда они превращаются в почти обреченное ожидание явления нового Рейха. Эта логика придает неожиданный вес претензиям даже самых незначительных групп, идентифицирующих себя с национал-социализмом – всегда можно вспомнить, что «Гитлера за 10 лет до 1933 г. тоже не принимали всерьез, а чем все кончилось?» Маленькие политические организации, больше всего страдающие от того, что никто не верит в их шансы чего-нибудь добиться, могут только мечтать о такой поддержке, исходящей от страхов их врагов.

РНЕ в полной мере использовало силу исторической аналогии, позабывшись о том, чтобы стать в глазах представителей mass media самым правдоподобным кандидатом на роль «русского фашизма». Характерно, что собственная пропаганда РНЕ часто прибегает к изобретенному яростным критиком русского национализма Александром Яновым образу «Веймарская Россия». Баркашов с удовольствием рассказывает о том, как на ранних этапах развития движения он и его соратники «спекульнули на их [средств массовой информации – М.С.] потребности показать наличие фашизма в России» (Баркашов, 1998; также Баркашов, 1999; Кочетков, 1994).

Но, помимо всего остального, утверждение свастики в качестве эмблемы, бесспорно, символизировало еще и окончательный разрыв с доминирующей политической культурой, поскольку было актом обращения за помощью к самым страшным из ее демонов. То, что Баркашов решил прибегнуть к такому средству, придало и ему лично, и его организации неожиданную притягательность в глазах тех, кто испытывал тотальную неудовлетворенность политической системой. Оно обозначало безоговорочную оппозицию.

Неудовлетворенность политической культурой, самими принципами, по которым строится политика, даже в большей степени, чем недовольство конкретными людьми, играющими в ней заметную роль, бросается в глаза, когда наблюдаешь, как члены РНЕ обсуждают текущие события.

Они постоянно говорят об оппозициях, навязанных ему, как о ложных, потому что эти альтернативы создают иллюзию выбора там, где его на самом деле нет, или потому, что они создают иллюзию, что надо выбирать из двух вариантов, хотя на самом деле их гораздо больше. Эмоциональные реплики первого рода затрагивали, например, президентские выборы 1996 года, когда, по сильному сравнению одного из моих собеседников, «народу предложили две кучи дерьма и спросили, какая слаще».

То, что выбирать приходилось из двух зол, каждое из которых казалось ему неприемлемым, было в его глазах актом обвинения против системы, поскольку являлось результатом работы целой машины по производству иллюзорных возможностей волеизъявления. Поскольку успех в президентской кампании зависел от денег, потраченных на ее финансирование, и от поддержки mass media, то в действительности исходом распоряжались тайные силы, контролировавшие и то, и другое. Исправить положение можно было бы, только трансформировав все институты таким образом, чтобы эффективность их работы полностью зависела от людей, которых нельзя было бы ни обмануть, ни подкупить.

В других случаях можно было наблюдать почти восторженное состояние людей, открывших целые континенты возможностей, лежащих за пределами навязанных ограничений. Один из постоянных участников встреч много раз возвращался к мысли о том, что идея, будто у демократии нет альтернативы или альтернативой ей является только тоталитаризм, – совершенно неправильна, хотя ее и разделяют некоторые очень образованные, но простодушные люди. «Как это нет? – восклицал он, – Есть еще и монархия, и конституционная монархия, и еще много что!»

Тема, постоянно возникающая в диалогах членов организации с людьми на улице, – способ, которым движение планирует придти к власти. Она была еще одним поводом усомниться в культурных «или – или». Хотя почти все не принадлежащие к организации высказывали мнение, что здесь все сводится к двум вариантам – или выборы, или вооруженное восстание, для баркашовцев это опять-таки совсем не так. Стратегия, на которую рядовые члены возлагали наибольшие надежды, связана с постепенным симбиозом структур организации и авторитарных институтов, который в дальнейшем должен охватить весь государственный аппарат в целом.

Этот симбиоз планировалось осуществлять отчасти за счет агитации среди представителей силовых ведомств, отчасти за счет замещения теряющих силы организаций своими подразделениями. Наиболее типичные акции, направленные на достижение этой цели, – совместное с милицией, а затем и самостоятельное патрулирование в роли дружинников, установление собственных блокпостов на границе с Чечней, где филиалы РНЕ иногда возникали как формы стихийной самоорганизации, наконец, просто проведение бесплатных занятий по военной подготовке среди молодых людей предпризывного возраста. Высказывается надежда, что в какой-то момент государство просто потеряет способность управлять – и

тогда новые властные структуры кристаллизуются вокруг единственного островка порядка в море хаоса – подразделений РНЕ.

Если надо было бы в двух словах охарактеризовать ту альтернативу, которую Единство предлагает господствующей политической культуре и с позиций которой она ее критикует, то легче всего было бы вместить ее в формулу, отчеканенную Вальтером Беньямином, сказавшим, что «фашизм – эстетизация политики». Доктрина Единства – это ее морализация. По словам одного из членов, «РНЕ отличается от всех других партий тем, что мы всегда отличаем Добро от Зла». И политика, и право, и даже наука должны подчиняться жестким моральным стандартам, не претендуя на автономию правил игры в своей области. Так, большая часть современной философии дискредитируется как «туман» и «ересь», поскольку она может заставить усомниться людей в том, что Добро действительно есть Добро (Баркашов, 1994). А современная юриспруденция была целиком отвергнута одним из моих собеседников, поскольку она может способствовать отвращению кары даже от очевидного преступника «вроде Березовского», вина которого казалась ему несомненной.

Культура, на которую опирается Единство, гораздо больше верит в здоровое нравственное чувство, чем в логическое суждение. То, что заставляет усомниться в Добре и во Зле и в том, что они всегда одни и те же, есть безусловное, хотя и завуалированное Зло. Этика целиком господствует над гносеологией, а способность отличать хорошее от плохого считается менее подверженной ошибке, чем способность отличать истинное от ложного. В конечном счете, каждый человек может понять, что есть что, поскольку Добро есть естественность и упорядоченность, а Зло – хаос и искусственность и они бросаются в глаза с первого взгляда (Баркашов, 1994). (Те, кто боится, что их искусят скорее их чувства, нежели их разум, вероятно, заметят, что этот критерий сугубо этноцентричен, поскольку представителям разных культур вообще свойственно замечать друг в друге прежде всего «неестественность», которая в действительности является синонимом для непривычности.)

Критика, с которой представители движения атакуют не только действительно существующее государственное устройство, но и саму абстрактную идею демократии, носит именно моральный оттенок. Одно из главных обвинений состоит в том, что представительная система выдвигает на первый план заведомо безнравственных людей – тех, кому хватает самоненятия и нескромности, чтобы заявить о себе как о лучших. С точки зрения членов РНЕ, сам факт такого заявления дискредитирует сделавшего его и демократическая система неизбежно имеет дело с последствиями несовершенной системы отбора: ей приходится воздвигать системы сдержек и противовесов и налаживать контроль над каждым из властных лиц.

Странники демократии могут утверждать, что, используя постоянную критику конкурирующими группировками друг друга, они могут добиться того, чтобы все участники игры вели себя по правилам, даже если ни у одного из них нет к этому врожденной предрасположенности (наиболее

ясную формулировку этой позиции можно найти у Бурдые (1995). Но такая конструкция никогда не бывает совершенной, она тратит массу энергии вовлеченных в нее лиц на то, чтобы сохранить равновесие, и, самое главное, она не способна исполнять важные функции, которые должна исполнять политическая система.

Либеральная политика в своем идеале – это инструмент, не хороший и не плохой сам по себе, результаты которого будут настолько же дурными, насколько дурно большинство людей. Система же, которую мечтают создать члены РНЕ, была бы еще и институтом, обеспечивающим моральное совершенствование, аристократией, где власть принадлежит не только самым профессиональным (что обещает демократия), но и самым нравственным. Тогда отпала бы необходимость и во всеобщем взаимном контроле, и в выборах – легитимность подтверждалась бы самим фактом занятия руководящего положения. Более того, авторитет руководящих делал бы их слово решающим и в сферах, где до сих пор люди пытались жить на свой страх и риск (члены РНЕ, по большей части, невысокого мнения о том, чего современный человек добился в этих областях).

Чтобы аристократия сработала, необходимо выполнить одно условие – помимо фильтра, отбирающего компетентных исполнителей политических ролей, должен быть еще один, указывающий каждому его место в связи с достигнутым уровнем морального развития. Возникающие в связи с этим неравенство и иерархичность естественны и даже желательны (митр. Иоанн, 1998). Отказавшись от недоверия к занимающим более высокие посты, составляющего необходимый элемент демократической политической культуры, мы можем начать возводить самые невероятные организационные структуры, не опасаясь, что они рухнут под тяжестью человеческих пороков – как архитектор, строящий в невесомости, может не беспокоиться о прочности фундамента. Учреждения, основанные на этих принципах, могли бы расти сверху вниз – от лидеров к рядовым исполнителям, от более совершенных к менее совершенным, которым они делегировали бы часть своего авторитета.

Либералы, в заочной полемике с которыми оттачивалась эта позиция, наверняка возразили бы, что этот проект является чистой воды утопией, поскольку в качестве своей отправной точки требует общего консенсуса по поводу моральных стандартов и по поводу, по крайней мере, некоторого количества людей, которым можно доверить строить государство. Вряд ли такой консенсус существует хотя бы где-то, тем более в России. Контраргумент РНЕ заключается в том, что такого согласия не существует именно по вине демократии. Государственное устройство, основанное на парламентском представительстве, не использует самый ценный ресурс для поиска всеобщего консенсуса – нацию. Более того, оно наносит этому ресурсу непоправимый ущерб.

Нация – самое важное понятие имплицитной социальной теории, на которую опирается идеология РНЕ. Его, как и большинство ключевых понятий, очень непросто определить, и здесь придется ограничиться лишь самым общим обозначением его границ. Итак, нация, с точки зре-

ния людей, общаться с которыми довелось автору, может быть описана как некое моральное единство, основанное на общих чертах характера и ценностных ориентациях. Иными словами, это в первую очередь этнопсихологическая, а не биологическая, географическая или политическая категория. Хотя культура имеет прямое отношение к воспроизводству национального морального типа и его встречаемость коррелирует с некоторыми биологическими признаками, большинство моих собеседников отрицало, что воспитание в определенной среде или тем более генетическая наследственность абсолютно исключают возможность оказаться «русским по духу». (Судя по всему, в этом отношении существуют значительные идеологические расхождения между региональными организациями РНЕ, а в его официальной идеологии произошла заметная эволюция, поскольку в некоторых более ранних документах речь шла именно о расах и генах (Баркашов, 1997 (1993)). В любом случае в ориентированной на православный фундаментализм петербургской организации РНЕ расистские взгляды не распространены).

Хотя нация – естественное образование, ее существование не является чем-то вечным и неизменным. Напротив, националисты осознают хрупкость единства, соединяющего ее членов, которое может быть разрушено вторжением чуждой культуры. В реформах, проводимых по образцу других стран, их больше всего пугает не то, что они провалятся, столкнувшись с загадками русской души, а как раз то, что они могут получиться – но тогда исчезнет сама эта душа.

Продолжение же существования нации в ее исконном виде – это не только нравственный императив, но и вопрос социальной эффективности. Пока ей ничего не угрожает, сохраняется возможность слияния всех, кто к ней принадлежит, в то, что Иоанн описывает как «единую соборную личность» (митр. Иоанн, 1998). Это единение открывает путь к единодушию, а следовательно, и к уважению прав каждой личности в отдельности. Один из членов Единства, описывая первые Соборы, рассказывал, что там ни над чьим мнением не совершали насилия – пока хоть один человек был не согласен, решение не принималось, «не то, что у коммунистов» (видимо, имелся в виду ленинский демократический централизм).

Демократия никак не использует возможность для того, чтобы институционализировать не конфликт, а консенсус, путь к которому открывает нация. Более того, приучая людей к нормальности разногласий и поощряя их к тому, чтобы производить культурные вариации, она разрушает нацию. Вместо нее создается множество групп, эгоцентричных и враждебных друг другу, занятых исключительно отстаиванием своих прав. Критика политических институтов демократии русскими националистами – это прежде всего критика культуры, на которую эти институты опираются. Критика демократических реформ – это выражение страха перед тем, что новые институты все же укоренятся, навсегда исключив альтернативу.

Эта альтернатива, играющая роль мангеймовской Утопии, противостоящей Идеологии, описывается Иоанном как «соборное государство обязанностей», в противовес «государству прав». Людей там объединяет взаимный долг, а не баланс интересов. Они не равны, но иерархия выражается лишь в том, что более ответственные и зрелые проявляют отеческую заботу об остальных, а те отвечают им доверием и преданностью. Основной мотив поведения в политике – альтруистическая помощь, а не преследование личной выгоды (митр. Иоанн, 1998. С. 139, 163-164, 337-339).

Основным элементом символической стратегии РНЕ является само существование организации, воплощающей эти принципы социальных взаимоотношений. Тексты, так же, как и высказывания активистов, представляют его микрокосмом Утопии, которая должна быть построена повсеместно. Если вспомнить, каким образом РНЕ планирует получить власть для воплощения своих идеалов, понятно, почему участники видят в своей группе присутствующий в настоящем фрагмент будущего, который должен со временем разрастись до целого.

И в документах, и устных сообщениях подчеркивается отличие РНЕ от двух доминирующих в культуре моделей политической организации – партии, борющейся за парламентское представительство, и конспиративной экстремистской организации. Первая безоговорочно отвергается, поскольку построена на театральных, неискренних жестах, на стремлении привлечь и расположить к себе средства массовой информации, на том, что баркашовцы с презрением определяют как «показуху». По словам одного из участников встреч, он был бы первым, кто вышел из РНЕ, если бы оно переняло методы Жириновского (интересно, что Жириновский достаточно часто упоминается в таком контексте, причем всегда указывают на различия в методах – но не в идеологии). Ей противопоставляется «реальная работа» РНЕ – серия акций, функциональных как таковые, завоевывающие симпатии людей в силу своей общественной полезности – с восторгом отзываются, например, о совместном с милицией поддержании порядка.

Другой пункт обвинения против партийной стратегии – необходимость участвовать в переговорах, согласовывать интересы и искать компромиссы с другими действующими лицами (Баркашов, 1998). С точки зрения РНЕ, другие националистические организации, в большей мере воспринявшие политическую культуру, предлагающую использовать такие средства, допустили роковую ошибку. В соборном будущем не останется места для институционализации конфликтов. Демократическая политическая культура – это не то Зло, которое может быть поставлено на пользу Добру.

Само РНЕ с 1994 г. воздерживалось от участия в каких бы то ни было коалициях, поскольку подписать договоренность – значило бы признать, что организация недостаточно сильна сегодня, нуждается в чьих-то ресурсах и готова расплачиваться за них уступками после победы. Единственным исключением были переговоры о создании совместно с двумя

